

SŁOWO

O PUŁKU

IGORA

1. Oryginalny tekst staroruski
2. Przekład prozatorski Olega Tworogowa
3. Przekład poetycki W. Żukowskiego
4. Przekład poetycki I. Nowikowa

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Древнерусский текст

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о полку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! Начати же ся той песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боян бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ под облакы, помняшетъ бо рече пѣрвыхъ времянь усобицѣ. Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй; которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предѣ пѣлки касожьскыми, красному Романови Святославличю. Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нѣ своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнем же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрѣя плѣкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сиа плѣкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы!

Пети было пѣснь Игореву, того внуку: "Не буря соколы занесе чресъ поля широкая - галици стады бѣжать к Дону Великому". Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче: "Комони ржуть за Сулою - звенить слава въ Киевѣ!"

Трубы трубятъ в Новѣградѣ, стоятъ стязи в Путивлѣ. Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: "Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый - ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя! Съдлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни - свѣдоми къмети: подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени; пути имь вѣдоми, яругы имь знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени. Сами скачють, акы сѣрыи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ".

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тъмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: "Братие и дружино! Луце жь бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бързыя комони, да позримъ синего Дону!" Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. "Хошу бо, - рече, - копие приломити конецъ поля Половецкаго съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону".

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше, ношъ, стонуши ему грозою, птичь убуди; свистъ звѣринъ вѣста, збися Дивъ, кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемъ, Влѣзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый блѣванъ! А половци неготовама дорогами побѣгоша къ Дону Великому: крычатъ телѣгы полунощы, рци лебеди роспужени.

Игорь къ Дону вои ведеть. Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию, влѣци грозу въсрожать по яругамъ; орли клеткомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленыя щиты.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длѣго ночь мрѣкнеть. Заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла; щекот славий успе, говоръ галичь убудиси. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю - славы.

Съ зарания въ пятѣкъ потопташа поганѣя плѣкы половецкѣя и, рассушѣсь стрѣлами по полю, помчаша краснѣя дѣвкы половецкѣя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орѣтьмама, и япончицама, и кожухы начаша мосты мстити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочѣи половецкыми. Чрълень стягъ, бела хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие - храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было онѣ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронѣ, поганый половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влѣкомъ, Кончакъ ему слѣдѣ править къ Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають, чръныя тучя съ моря идуть, хотѣть прикрыти 4 солнца, а в них трепещуть синии млѣнии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручѣти о шеломы половецкѣя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго.

О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!

Съ ветри, Стрибожи внуци, вѣют съ моря стрѣлами на храбрѣя плѣкы Игоревы. Земля тутнеть, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрывають, стязи глаголють: "Половци идуть"; отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ рускѣя плѣкы оступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты.

Ярь Туре Всеволодъ! Стоиши на борони, прыщеси на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, - тамо лежать поганяя головы половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе, Ярь Туре Всеволоде! Кая рана дорога, братие, забывъ чти, и живота, и града Чрънигова, отня злата стола и своя милыя хоти красныя Глѣбовны, свычая и обычая!

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславлича. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянъ въ градъ Тьмутороканъ, той же звонъ слыша давный великий Ярославъ сын Всеволодъ, а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ полелѣя отца своего между угорьскими иноходьцы ко святѣй Софии къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславлича сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа внука, в княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевъ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь гозоряхуть, хотять полетети на уедие.

То было въ ты рати, и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано! Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещать копиа харалужныя в полѣ незнаемъ, среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты костыми была посѣяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли!

Что ми шумить, что ми звонить давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаеть: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала Обида в силахъ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣм море у Дону: плещучи, убуди жирна времена. Усобица княземъ на поганяя погыбе, рекоста бо братъ брату: "Се мое, а то мое же". И начяша князи про малое "се великое" мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати, а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече зайде соколъ, птиць бѣя, - к морю. А Игорева храбраго плъку не крѣсити! За ним кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены руския въсплакашась, аркучи: "Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!" А вѣстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастями. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ от двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую ту бѣше успиль отецъ ихъ Святъславъ грозный великий Киевский грозою: бѣшеть притрепаль своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлѣми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота. А поганяго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихръ, выторже. И падеся Кобякъ въ градъ Киевъ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкыя, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ в Киевѣ на горахъ. "Синочи, съ вечера, одѣвахуть мя, - рече - чръною паполomoю на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино, съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тлѣковинъ великий женчюгъ на лоно и нѣгуютъ мя. Уже дсѣкы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златоврѣсѣм. Всю ночь

съ вечера бусови врани възгряху у Плѣснеска на болони, бѣша дебръ Кисаню и не сошлю къ синему морю".

И ркоша бояре князю: "Уже, княже, туга умь полонила. Се бо два сокола слѣтѣста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самую опуташа въ путины железны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпа погасоста, и в морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святѣславъ, тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣт покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеса хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеса Дивь на землю. Се бо готския красныя дѣвы воспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия".

Тогда великий Святѣслав изрони злато слово, с слезами смѣшено, и рече: "О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себе славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца в жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдине!

А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многоволя брата моего Ярослава съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ ревугы, и съ ольберы. Тии бо бес щитовѣ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждают, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: "Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похитимѣ, а заднюю си сами подѣлимѣ!" А чи диво ся, братие, стару помолодити! Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло - княже ми непособие: наниче ся години обратиша. Се у Римѣ кричатъ подѣ саблями половецкыми, а Володимирѣ под ранами. Туга и тоска сыну Глебову!

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донѣ шелома выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти - удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буй Рюриче и Давиде! Не ваю ли вои злачеными шелома по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святѣславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперѣ горы Угорскыи своими желѣзными плѣкы, заступивѣ королеви путь, затворивѣ Дунаю ворота, меча бремены чрезѣ облаки, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтаны за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощей, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святѣславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носит ваю ум на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ, на вѣтрехъ ширяеши, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю железный паворзи подѣ шелома латинскими. Тѣм тресну земля, и многи страны - Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци - сулицы своя поврѣгоша а главы своя подклониша под тьи мечи харалужныи. Нѣ уже, княже, Игорю утрѣпѣ солнцю свѣт, а древо не бологомъ листовие срони: по Роси и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити! Донѣ ти, княже, кличетъ и зоветь князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань.

Ингварь и Всеволодѣ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребии собѣ власти расхытите! Кое ваши златыи шелома и сулицы ляцкии и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святѣславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ под кликомъ поганыхъ. Единѣ же Изяславѣ, сынѣ Васильковѣ, позвони своими острыми мечи о шелома литовскыи, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самѣ подѣ чрѣлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанѣ литовскыми мечи. Исхыти юна кровать, а тьи рекѣ: "Дружину

твою, княже, птицъ крилы приодѣ, а звери кровь полизаша". Не бысть ту брата Брячеслава, ни другаго - Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресь злато ожерелие. Унылы голоси, пониче веселие. Трубы трубятъ городеньскии.

Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени - уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганя на землю Рускую, на жизнь Всеславию: которою бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомѣ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу. Тѣй клюками подпрѣся, о кони, и скочи къ граду Киеву, и дотчеса стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мъглѣ; утрѣже вазни с три кусы: отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи волком до Немиги съ Дудутокѣ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепа харалужными, на тоцѣ животь кладуть, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизе кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костыи рускихъ сыновѣ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше; изъ Киева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи в колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа в дрѣзѣ тѣлѣ, но часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боян и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: "Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути".

О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей! Того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии - Давидовы, нѣ розно ся им хоботы пашут. Копиа поють.

На Дунаи Ярославнынѣ гласъ слышитъ, зегзицею незнаема рано кычетъ. "Полечю, - рече - зегзицею по Дунаеви, омочю бѣбрянѣ рукавѣ въ Каялѣ рѣцѣ; утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ".

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: "О, вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши! Чему мычѣши хиновскыя стрѣлки на своею нетрудною крилцю на моя лады вои? Мало ли ти бѣшетъ горѣ под облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ! Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?"

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: "О, Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лѣлѣялъ еси на себе Святослави носады до плѣку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезѣ на море рано!"

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: "Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! Всѣмъ тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имѣ лучи съпряже, тугою имѣ тули затче?"

Прысну море полунощи; идутъ сморци мъглами. Игореви князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорьъ спитъ, Игорьъ бдитъ, Игорьъ мыслию поля мѣрять отъ Великаго Дону до Малаго Донца. Комонѣ въ полуночи Овлур свисну за рѣкою - велитъ князю разумѣти: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся половецкии подвизаша. А Игорьъ князь поскочи горнастаемъ къ тростию и бѣлымъ гоголемъ на воду, възврѣжеса на брѣзѣ комонѣ и скочи съ него босымъ влѣкомъ, и потече къ лугу Донца и полетѣ соколомъ подѣ мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорьъ соколомъ полетѣ, тогда Влурѣ влѣкомъ потече, труся собою студеную росу; претрѣгоста бо своя брѣзая комоня.

Донецъ рече: "Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!" Игорьъ рече: "О, Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влѣнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подѣ сѣнию зелену древу. Стрежаше его гоголемъ на воде, чайцами на струяхъ, чрѣндѣми на ветрѣхъ". Не тако ли, рече, рѣка Стugna; худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы рострена к усту, уношу князю Ростислава завори днѣ при темне березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли прѣклонилося.

А не сорокы втроскоташа - на слѣду Игоревѣ ъздить Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозие ползоша только. Дятлове тектомъ путь к рѣцѣ кажуть, соловии веселыми пѣснями свѣтъ повѣдають. Млъвить Гзакъ Кончакови: "Аже соколъ къ гнѣзду летить, - соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами". Рече Кончакъ ко Гзѣ: "Аже соколъ къ гнѣзду летить, а въ соколца опутаевѣ красною дѣвицею". И рече Гзакъ къ Кончакови: "Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будет сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнут наю птици бити въ полѣ Половецкомъ".

Рекъ Боянъ и Ходына Святъславля, пѣснотворца стараго времени Ярославля: "Ольгова коганя хоти! Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы", - Руской земли без Игоря!

Солнце свѣтитса на небесѣ - Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поют на Дунаи - вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ъдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти! Слава Игорю Святъславличю, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за християны на поганя пльки! Княземъ слава а дружинѣ! Аминь.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Современный перевод О.Творогова

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе ИгоревоМ, Игоря Святославича? Начаться же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову.

Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, зарезавшему Редедю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. А Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который обуздал ум своею доблестью и поострил сердца своего мужеством, преисполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

О Боян, соловей старого времени! Если бы ты полки эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умом под облака, свивая славы вокруг нашего времени, возносясь по тропе Трояновой с полей на горы!

Так бы петь песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону великому». Или так пел бы ты, вещий Боян, внук Велеса: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве!»

Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле, Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй-Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже оседланы у Курска. А мои куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью все его войско прикрито. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем пленным быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу, — сказал, — копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться чужой земле: Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону великому: скрипят телеги в полуночи, словно лебеди встревоженные.

Игорь к Дону войско ведет. Уже гибели его ожидают птицы по дубравам, волки грозу навывают по яругам, орлы клекотом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

Долго темная ночь длилась. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щеко́т соловьиный затих, галичий говор проснулся. Русичи широкие поля червленными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранку в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и рассыпались стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Покрывалами, и плащами, и одеждками, и всякими нарядами половецкими стали мосты мостить по болотам и топям. Червлёный стяг, белое знамя, червлёный бунчук, серебряное копьё — храброму Святослави́чу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь прокладывает к Дону великому.

На другой день раным-рано кровавые зори рассвет возвещают, чёрные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям преломиться, тут саблям иступиться о шеломы половецкие, на реке на Каяле, у Дона великого.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

А вот уже ветры, Стрибожьи внуки, повеяли с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги вещают: «Половцы идут!», — от Дона, и от моря, и со всех сторон обступили они русские полки. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червленными щитами.

Яр-Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, осыпаешь воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, Тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат головы поганых половцев, расщеплены саблями калеными шлемы аварские от твоей руки, Яр-Тур Всеволод! Какая рана удержит, братья, того, кто забыл о почестях и богатстве, забыл и города Чернигова отцовский золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку!

Были века Трояна, минули годы Ярослава, были и войны Олеговы, Олега Святослави́ча. Тот ведь Олег мечом раздоры ковал и стрелы по земле сеял. Вступает он в золотое стремя в городе Тмуторокани, звон же тот слышал давний великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. Бориса же Вячеслави́ча жажда славы на смерть привела и на Канине зеленую паполому постлала ему за обиду Олега, храброго и молодого князя. С такой же Каялы и Святополк бережно повез отца своего между венгерскими иноходцами к святой Софии, к Киеву. Тогда при Олеге Горислави́че сеялись и прорастали усобицы, гибло достояние Дажь-Божьих внуков, в княжеских распрях век людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахари покрякивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили, собираясь лететь на поживу.

То было в те рати и в те походы, а о такой рати и не слыхано! С раннего утра и до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы калёные, гремят сабли о шеломы, трещат копьё булатные в поле чужом среди земли Половецкой. Чёрная земля под копытами костьми посеяна, а кровью полита; бедами зошли они на Русской земле!

Что шумит, что звенит в этот час рано перед зорями? Игорь полки заворачивает, жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не хватило, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Пикнет трава от жалости, а дерево от печали к земле приклонилось.

Вот уже, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась Обида среди Дажь-Божьих внуков, вступила девою на землю Трояну, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском вспугнула времена оби́лия. Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц, — к морю. А Игоревы храброго полка не воскресить! Вслед ему завопила Карна, и Жля помчалась по Русской земле, сея горе

людям из огненного рога. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни очами не увидеть, а золота и серебра и в руках не подержать!» И застонал, братья, Киев в горе, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль потоками потекла по земле Русской. А князья сами себе невзгоды ковали, а поганые сами в победных набегах на Русскую землю брали дань по белке от двора.

Ведь те два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, непокорством зло пробудили, которое усыпил было отец их,— Святослав грозный великий киевский, — грозою своею, усмирил своими сильными полками и булатными мечами; вступил на землю Половецкую, протоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из Лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем вырвал. И повержен Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, который погрузил богатство на дно Каялы, реки половецкой — русское золото рассыпал. Тогда Игорь-князь пересел из золотого седла в седло невольничье. Унылы городские стены, и веселие поникло.

А Святослав тревожный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, — говорил, — черною паполомою на кровати тисовой, черпали мне синее вино с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых и утешали меня. Уже доски без конька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, и из дебри Кисановой понесли к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе разум нам застилает. Вот ведь слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмуторокани либо испить шелоном Дону. Уже соколам крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в пути железные. Темно стало на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними два молодых месяца тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла; по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок гепардов, и великую радость пробудили в хинове. Уже пала хула на хвалу, уже ударило насилие по воле, уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, позванивая русским золотом, поют они о времени Бусовом, лелеют месть за Шарукана. А мы, дружина, уже невеселы».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами терзать, а себе искать славу. Но не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили. Ваши храбрые сердца из твердого булата скованы и в дерзости закалены. Что же учинили вы моим серебряным седином!»

А уже не вижу власти сильного и богатого брата моего Ярослава, с воинами многими, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Все они и без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звеня прадедней славой. Но сказали вы: «Помужествуем сами: прежнюю славу сами похитим, а нынешнюю меж собой разделим». Но не диво, братия, старику помолодеть! Когда сокол возмужает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот мне беда — княжеская непокорность, вспять времена повернули. Вот у Римова снова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Горе и беда сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод! Не помыслишь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол побережь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы невольница по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, храбрый Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злаченными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле чужом? Вступите же, господа, в золотые стремяна за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды рядя до Дуная. Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоревы, храброго Святославича!

А ты, храбрый Роман, и Мстислав! Храбрые замыслы влекут ваш ум на подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в дерзости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи под шлемами латинскими. Потому и дрогнула земля, и многие народы — хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы — копыя свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже успели на брань.

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — не худого гнезда шестокрыльци! Не по праву побед расхитили себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и копыя польские, и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Вот уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет у тех грозных полочан под кликами поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава, а сам под червленными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен... И сказал: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали». Не было тут ни брата Брючислава, ни другого — Всеволода, так он один и изронил жемчужную душу из храброго своего тела через золотое ожерелие. Приуныли голоса, сникло веселье. Трубы трубят городенские.

Ярославовы все внуки и Всеславовы! Не вздымайте более стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся, ибо потеряли уже дедовскую славу. В своих распрях начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславова. Из-за усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна бросил Всеслав жребий о девице ему милой. Тот хитростью поднялся... достиг града Киева и коснулся копьем своим золотого престола киевского. А от них бежал, словно лютей зверь в полночь из Белгорода, бесом одержим в ночной мгле; трижды добыл победы: отворил ворота Новгороду, разбил славу Ярославову, скакнул волком на Немигу с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не на добро засеяны, засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до рассвета дорыскивал до Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перебежал. Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещей Боян еще давно припевку молвил, смысленый: «Ни хитрому, ни удачливому ...суда божьего не избежать!»

О, печалиться Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне одни стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, и порознь их хоругви развеваются. Копыя поют...

На Дунае Ярославнин голос слышится, чайкою неведомой она рано кличет. «Полечу, — говорит, — чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его - раны на горячем его теле».

Ярославна с утра плачет на стене Путивля, причитая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, так сильно веешь? Зачем мечешь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна с утра плачет на стене города Путивля, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе лады Святославовы до стана Кобякова. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я спозаранку к нему слез на море».

Ярославна с утра плачет в Путивле на стене, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! Почему же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки расслабило, горем им колчаны заткнуло».

Вспенилось море в полночи, в тучах движутся вихри. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спит и не спит: Игорь мыслю поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой — велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь горностаем прыгнул в тростники, белым гоголем — на воду, вскочил на борзого коня, соскочил с него босым волком, и помчался к лугу Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, отряхивая с себя студеную росу: загнали они своих быстрых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Разве не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!» Игорь сказал: «О Донец! Разве не мало тебе величия, что лелеял ты князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Стерег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями в ветрах». Не такая, говорят, река Стugna: бедна водою, но, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, а дерево в тоске к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не каркали, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит — расстреляем соколенка своими злачеными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы и станут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына Святославовы, песнотворцы старого времени Ярославова: «О жена когана Олега! Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы». Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом — молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй-Тур Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, выступая за христиан против полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Перевод В. А. Жуковского

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.
Вам памятно, как пели
о бранях первых времен:
Тогда пускались десять соколов
на стадо лебедей;
Чей сокол долетал,
тот первую песнь пел:
Старому ли Ярославу,
храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю
перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов
на стадо лебедей пускал,
Он вещие персты свои
на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.
Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воев своих,
тьмою от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
"Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем дань в полон.
Сядем же, друга, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона".
Вспала князю на ум охота,
Знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
"Хочу, - он рек, - преломить копье
Конец поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или испить шеломом Дона".
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древ,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропюю Трояновой
через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю,
того Олега внуку!
Не буря соколов занесла

через поля широкие -
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов!
Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И рек ему буй-тур Всеволод:
"Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!
Седлай, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы перед Курском.
А куряне мои - бодрые кмети,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы".
Тогда вступил князь Игорь в золотое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозой шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных;
Див кличет на верху древа,
Велит прислушать земле неизвестной,
Волге, Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан Тмутороканский!
И половцы неготовыми дорогами
побежали к Дону великому:
Кричат в полночь телеги,
словно распущенны лебеди.
Игорь ратных к Дону ведет.
Уже беда его птиц окликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клектом орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червлёные щиты...

О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих
Русские поле великое
червлёнными щитами огородили,
Ища себе чести, а князю славы.
В пятницу на заре потоптали они
нечестивые полки половецкие
И, рассеясь стрелами по полю,
помчали красных дев половецких,
А с ними и золото, и паволоки,
и драгие оксамиты;
Ортмами, епанчицами, и мехами,
и разными узорочьями половецкими
По болотам и грязным местам

начали мосты мостить.
А стяг червлёный с белой хоругвию,
А челка червлёная со древком серебряным
Храброму Святославичу!
Дремлет в поле Олегово храброе гнездо -
Далеко залетело!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, чёрный ворон, неверный половчанин!
Гзак бежит серым волком,
А Кончак ему след прокладывает
к Дону великому.
И рано на другой день
кровавые зори свет поведаят;
Чёрные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Иди дождю стрелами с Дону великого!
Ту-то копьям поломаться,
Ту-то саблям притупиться
О шеломах половецкие
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
Уж ветры, Стрибоговы внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля гремит,
Реки текут мутно,
Прахи поля покрывают,
Стяги глаголют;
Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех стран.
Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбрые русичи щитами червлёными.
Ярый тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечом харалужным!
Где ты, тур, ни проскачешь,
шеломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие!
Порублены калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!
Какую раною подорожит он, братья,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове,
златом престоле родительском,
О красной Глебовне,
милом своем желании, свычае и обычае?
Были сечи Трояновы,
Миновали лета Ярославовы:
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя
в граде Тмуторокани.
Молву об нем слышал давний
великий Ярослав, сын Всеволодов,
А князь Владимир всякое утро
уши затыкал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела
И на конскую зеленую попону положила

За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи
взял отца своего
Меж угорскою конницей
ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче
сеялось и выросло междоусобием,
Погибала жизнь Дажьбожиих внуков,
В крамолах княжеских
век человеческий сокращался,
Тогда по Русской земле
редко оратаи распевали,
Но часто враны кричали,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили,
Сбираясь лететь на обед.
То было в тех ратях и тех походах,
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
От вечера до света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шелома,
Трещат харалужные копья
В поле незнаемом
Среди земли Половецкия.
Черна земля под копытами
Костью была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле взошло бедой.
Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает:
Жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы.
Тут разлучилися братья
на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина не достало;
Тут пир dokonчили храбрые воины русские:
Сватов попоили,
А сами легли за Русскую землю.
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле приклонилось.
Уже невеселое время, братья, настало:
Уже пустыня силу прикрыла;
И встала обида в силах Дажьбожиих внуков,
Девой ступя на Троянову землю,
Встрепенула крыльями лебедиными,
На синем море у Дону плескаяся.
Прошли времена благоденствия,
Миновалися брани князей на неверных.
Брат сказал брату: то мое, а это мое же!
И стали князи про малое спорить,
как бы про великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех стран
набежали с победами на землю Русскую!
О! далеко залетел ты, сокол,
сбивая птиц к морю!
А бесстрашному полку Игореву

уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля
и по Русской земле поскакали,
Мча разорение в пламенном роге.
Жены русские всплакали, приговаривая:
"Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами сглядеть,
А злата-сребра много потратить!"
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов напастию,
Тоска разлилась по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русской.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами
врывались в землю Русскую,
Дань собирали по белке с двора.
Так-то сии два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод, пробудили коварство,
Едва усыпил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь Киевский.
Гроза Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными ратями
И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,
Иссушил потоки-болота;
А Кобяка неверного из луки моря
От железных великих полков половецких
Вихрем исторгнул,
И Кобяк очутился в городе Киеве,
В гриднице Святославовой,
Немцы и венеды,
Греки и моравы
Славу поют Святославову,
Кают Игоря-князя,
Погрузившего силу на дне Каялы,
реки половецкия,
Насыпав ее золотом русским.
Там Игорь-князь из золотого седла
пересел в седло кощеево;
Унылы в градах забрали,
И веселие поникло.
И Святославу мутный сон привиделся:
"В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня, - рек он, -
черным покровом на кровати тесовой;
Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великий в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.
А кровля без князя была
на тереме моем златоверхом.
И с вечера целую ночь
гряjali враны зловещие,
Слетевшись на склон у Пленьска
в дебри Кисановой..."
Уж не послать ли мне к синему морю?"
И бояре князю в ответ рекли:
"Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола

с золотого престола отцовского,
Поискать города Тмутороканя
Иль выпить шеломам из Дону.
Уж соколам и крылья
неверных саблями подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах".
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца,
Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрывся.
Гнездом леопардов простерлись половцы
по Русской земле
И в море ее погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя ударила на волю,
Вергнулся Див на землю.
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,
Величают мечь Шураканову.
А наши дружины гладны веселием.
Тогда изронил Святослав великий
слово златое, с слезами смешанное:
"О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честью вы победили,
С нечестьем пролили кровь неверную!
Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной седине!
Уже не вижу могущества моего
сильного, богатого, многовойного брата Ярослава,
С его черниговскими племенами,
С монгутами, татринами и шельбирами,
С топчаками, ревутами и ольберами.
Они без щитов, с кинжалами засапожными,
Кликом полки побеждали,
Звеня славою прадедов.
Вы же рекли: "Мы одни постоим за себя,
Славу передню сами похитим,
Заднюю славу сами поделим!"
И не диво бы, братья, старому стать молодым.
Сокол ученый
Птиц высоко взбивает,
Не даст он в обиду гнезда своего.
Но горе, горе! Князья мне не в помощь!
Времена обратились на низкое!
Вот и Роман кричит под саблями половецкими,
А князь Владимир под ранами.
Горе и беда сыну Глебову!
Где же ты, великий князь Всеволод?
Иль не помыслишь прилететь издалеча
отцовский златой престол защитить?
Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
А Дон шеломами вычерпать,
Будь ты с ними, и была бы чага по ногате,
А кощей по резане.
Ты же посуху можешь с чадами Глеба удалыми

Стрелять живыми самострелами.
 А вы, бесстрашные, Рюрик с Давыдом,
 Не ваши ль позлащенные шеломы в крови плавали?
 Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
 Словно как туры, калеными саблями
 ранены в поле незнаемом?
 Вступите, вступите в стремя золотое
 За честь сего времени, за Русскую землю,
 За раны Игоря, буйного Святославича!
 Ты, галицкий князь Осмомысл Ярослав,
 Высоко ты сидишь на престоле своем златокованом!
 Подпер Угорские горы полками железными,
 Заступил ты путь королю,
 Затворил Дунаю ворота,
 Бремена через облаки мечешь,
 Рядишь суды до Дуная,
 Гроза твоя по землям течет,
 Ворота открываешь ты Киеву,
 Стреляешь в султанов с золотого престола
 отцовска через далекие земли.
 Стреляй же, князь, в Кончака, неверного кощея,
 за Русскую землю,
 За раны Игоря, буйного Святославича!
 А ты, Мстислав, и смелый Роман!
 Храбрая мысль носит ваш ум на подвиги,
 Высоко взлетаете вы на дело отважное,
 Словно как сокол на ветрах ширяется,
 Птиц одолеть замышляя в отважности!
 Шеломы у вас латинские,
 под ними железные панцири!
 Дрогнули ими многие земли и области хановы,
 Литва, Деремела, Ятвяги,
 И половцы, копья свои повергнув,
 Главы подклонили
 Под ваши мечи харалужные.
 Но уже для Игоря-князя
 солнце свет свой утратило,
 И древо свой лист не добром сронило;
 По Роси, по Суле грады поделены,
 А храброму полку Игоря уже не воскреснуть.
 Дон тебя, князя, кличет,
 Дон зовет князей на победу.
 Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
 Вы же, Ингварь, и Всеволод, и все три Мстиславича,
 Не худого гнезда шестокрильцы,
 Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
 На что вам золотые ваши шеломы,
 Ваши польские копья, щиты?
 Заградите в поле врата своими острыми стрелами
 За землю Русскую, за раны Игоря, смелого Святославича!"
 Не течет уже Сула струею серебряной
 Ко граду Переяславлю:
 Уж и Двина болотом течет
 К оным грозным полочанам под кликом неверных.
 Один Изяслав, сын Васильков,
 Позвенел своими острыми мечами
 о шлемы литовские,
 Утратил он славу деда своего Всеслава,
 А сам под червлеными щитами на кровавой траве
 Положен мечами литовскими,
 И на сем одре возгласил он:
 "Дружину твою, князь Изяслав,
 Крылья птиц приодели,

И звери кровь полизали!"
 Не было тут брата Брячислава,
 ни другого - Всеволода.
 Один изронил ты жемчужную душу
 Из храброго тела
 Через золотое ожерелие!
 Голоса приуныли,
 Поникло веселие,
 Трубят городенские трубы.
 Ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслави,
 Пришло преклонить вам стяги свои,
 Пришло вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
 Отскочили вы от дедовской славы,
 Навели нечестивых крамолами
 На Русскую землю, на жизнь Всеславова!
 Бывало нам прежде какое насилие от земли
 Половецкия!
 На седьмом веке Трояновом
 Бросил жребий Всеслав о девице милой.
 Он, подпершись клюками сел на коня,
 Поскакал ко граду Киеву
 И коснулся древком копья до золотого престола Киевского.
 Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
 Синею мглою обвешенный,
 Поутру же, стрикузы водрузивши,
 раздвинул врата Новугороду
 Славу расшиб Ярославову,
 Волком помчался с Дудуток к Немиге.
 На Немиге стелют снопы головами,
 Молотят цепами булатными,
 Жизнь на току кладут,
 Веют душу от тела.
 Кровавые бреги Немиги не добром были посеяны,
 Посеяны костями русских сынов.
 Князь Всеслав людей судил,
 Князьям он рядил города,
 А сам в ночи волком рыскал;
 До петухов он из Киева успевал к Тмуторокани,
 К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.
 Ему в Полоцке рано к заутрени зазвонили
 В колокола у святыя Софии,
 А он в Киеве звон слышал.
 Пусть и вещая душа была в крепком его теле,
 Но часто страдал он от бед.
 Ему и вещей Боян древней припевкой предрек:
 "Будь хитер, будь смышлен.
 Будь по-птичьи горазд,
 А божьего суда не минуешь!"
 О, стонать тебе, земля Русская,
 Вспоминая времена первые и первых князей!
 Нельзя было старого Владимира
 пригвоздить к горам киевским!
 Стяги его стали ныне Рюриковы,
 А другие Давыдовы;
 Нося на рогах их, волы ныне землю пашут
 А копья поют на Дунае".

Голос Ярославнин слышится, на заре одинокой чечеткою кличет.
 "Полечу, говорит, кукушкою по Дунаю,
 Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
 Оботру князю кровавые раны
 на отвердевшем теле его".
 Ярославна поутру плачет

в Путивле на стене, приговаривая:
 "О ветер, ты ветер!
 К чему же так сильно веешь?
 На что же наносишь ты стрелы ханские
 Своими легковейными крыльями
 На воинов лады моей?
 Мало ль подоблачных гор твоему веянию?
 Мало ль кораблей на синем море твоему лелеянию?
 На что ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие?"
 Ярославна поутру плачет
 в Путивле на стене, припеваючи:
 "О ты, Днепр, ты, Днепр, ты, слава-река!
 Ты пробил горы каменны
 Сквозь землю Половецкую;
 Ты, лелея, нес суда Святославовы к рати Кобяковой:
 Прилелей же ко мне ты ладу мою,
 Чтоб не слала к нему по утрам по зарям
 слез я на море!"
 Ярославна поутру плачет
 в Путивле на стене городской, припеваючи:
 "Ты светлое, ты пресветлое солнышко!
 Ты для всех тепло, ты для всех красно!
 Что ж так простерло ты свой горячий луч
 на воинов лады моей,
 Что в безводной степи луки им сжало жаждой
 И заточило им тулы печалию?"
 Приснуло море ко полуночи,
 Идут мглою туманы:
 Игорю-князю бог путь указывает
 Из земли Половецкой в Русскую землю.
 К златому престолу отцовскому.
 Приугасла заря вечерняя.
 Игорь-князь спит - не спит,
 Игорь мыслию поле меряет
 От великого Дона
 До малого Донца.
 Конь к полуночи,
 Овлур свистнул за рекою,
 Чтоб князь догадался.
 Не быть князю Игорю!
 Кликнула, стукнула земля;
 Зашумела трава:
 Половецкие вежи подвинулись.
 Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
 Белым гоголем на воду;
 Взорнулся князь на быстра коня,
 Соскочил с него бесом-волком,
 И помчался он к лугу Донца;
 Полетел он, как сокол под мглами,
 Избивая гусей-лебедей к завтраку, и обеду, и ужину.
 Когда Игорь-князь соколом полетел,
 Тогда Овлур волком потек за ним,
 Сбивая с травы студеную росу:
 Притомили они своих борзых коней.
 Донец говорит: "Ты, Игорь-князь!
 Не мало тебе величия,
 А Кончаку нелюбия,
 Русской земле веселия!"
 Игорь в ответ: "Ты, Донец-река!
 И тебе славы не мало,
 Лелеявшему на волнах князя,
 Подстилавшему ему зелену траву
 На своих берегах серебряных,
 Одевавшему его теплыми мглами

Под навесом зеленого дерева,
Охранявшего его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернядьми на ветрах.
Не такова, - примолвил он. - Стugna-река.
Худая про нее слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов раздирает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр, затворил брега темные.
Плачет мать Ростиславова
По юноше князе Ростиславе.
Увянул цвет жалобой,
А деревья печалию к земле приклонило".
Не сороки застрекотали:
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда вороны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.
Молвил Гзак Кончаку:
"Если сокол к гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами злачеными!"
Гзак в ответ Кончаку;
"Если сокол к гнезду долетит,
Соколенка опутаем красною девицей!"
И сказал опять Гзак Кончаку:
"Если опутаем красною девицей,
То соколенка не будет у нас,
Не будет и красныя девицы,
И начнут нас бить птицы в поле Половецком!"
Пел Боян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова,
супруги дщери Когановой.
"Тяжко, - сказал он, - быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!"
Худо Русской земле без Игоря!
Солнце светит на небе, -
Игорь-князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,
Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Боричеву
К святой богородице Пирогощей.
Радуются земли,
Веселы грады.
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!
1817-1819

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

(перевод Ивана Новикова)

1 ЗАПЕВКА О БОЯНЕ

Не ладно ли было бы,
Братия,
Песню нам начать -
Ратных повестей
Словесами старинными -
О полку Игореве,
Игоря Святославича?

Нет, начаться же песне той
по былинам нашего времени,
А не по замыслению
Боянову.

Если вещей Боян
Кому хотел песнь творить,
То носилась мысль его
Лятогою-векшей по дереву,
Серым волком по земи
Сизым орлом под облаки!
Пел, вспоминая
Начальных времен
Усобицы,
Как пускали тогда
Десять соколов
На стаю лебединую:
Досягнул сокол до лебеди -
Та и песнь пела первая:
Старому пела Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Что зарезал Редю
Пред полками касожскими,
Красавцу Роману
Святославичу.

А Боян-то,
Братия, -
Он пускал не десять соколов
На стаю ту лебединую:
Он персты свои вещие
На живые струны клал -
И струны те сами
Славу князьям
Рокотали.

2 ИГОРЬ ГОТОВИТСЯ К ПОХОДУ

Так почнем же,
Братия,

Повесть сию -
От Владимира старого
До нынешнего Игоря,
Что мысль напруг
Крепостию своею
И поострил ее
Сердца своего мужеством,
И, ратного духа исполнившись,
Нацелил полки свои храбрые
На землю Половецкую -
За землю Русскую.

И на светлое солнце тогда
Игорь воззрел
И видел,
Как тьмой от него
Все его войско
Прикрыто.

И сказал Игорь
Дружине своей:
"О братия
И дружина моя!
Лучше убиту быти,
Нежели полонену быти.
А сядем мы,
Братия,
На своих борзых коней
Да поглядим
Синего Дону".

Спала у князя и думка
О милой жене своей,
И самое знамение
Заслонилося в нем
Жаждою -
Испытать великого Дону.
И сказал:
"С вами я, русичи,
Хочу копие преломить
На конце половецкого поля,
И хочу я -
Либо главу свою положить,
А либо шеломом испить
Дону".

О Боян,
Соловей старого времени!
Кабы сам ты
И эти походы
Звонкою трелью
Воспел,
Скача соловьем
По мысленну древу,
Летая умом

Под облаки,
Соловьиную песню
Свивая
Вокруг сего времени,
Рыща троянскою тропою:
Через поля
Да на горы!

Так бы песнь
И для Игоря спеть -
Олегова внука:
"То не буря
Занесла соколов
За поля
За широкие:
Это галки
Стадами бегут
К Дону великому..."

А разве не так ли
Надо было б воспеть,
О вещий Боян,
О Велесов внук:
"Кони ржут за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новгороде,
Стяги в Путивле стоят;
Игорь милого брата ждет -
Всеволода..."

3
ИГОРЬ И ВСЕВОЛОД ВЫСТУПАЮТ В ПОХОД

И сказал ему
Буй-тур Всеволод:

"Один брат, один свет светлый -
Ты, Игорь,
Оба мы - Святославичи!
Седлай, брат,
Своих борзых коней
А мои-то готовы,
У Курска оседланы -
Наперед твоих.
А моим-то курянам
Поведано,
Куда им идти!

Под трубами они повиты,
Под шеломами всхолены,
Концом копия вскормлены;
Пути им ведомы,
Родники по оврагам знаемы;
Луки у них натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли изострены;
Сами скачут,

Будто серые волки по полю,
Князю славу ища,
Чести - себе".

И вступил Игорь-князь
В злат стремя тогда
И поехал по чистому полю.

Тьмою солнце ему
Путь заступало;
Ночь, стеная,
Грозою
Птиц пробудила;
Свист звериный
Восстал.

Див с древка кличет,
Велит послушати
Земле незнаемой:
Волге, и Поморию,
И Посулию,
И Сурожу,
И Корсуни,
И тебе,
Тмутороканский болван!

А половцы
Дорогами ненаезженными
Побежали к Дону великому;
Телеги в полночи
Криком кричат -
Скажи:
Лебеди распуганные...
Игорь к Дону войско ведет.
А птицеподобный
От бед
Его стережет.

Волки по оврагам
Выкликают грозу;
Клекотом на кости орлы
Зверье зовут;
Брешут лисицы
На багряный щит...

О земля моя Русская!
Уже за холмами ты!

Долго ночь меркнет,
Но вот свет-заря
Отпылала,
Туманы поля покрыли.
Щекот соловий затих,
Галочий говор
Проснулся.
Поля великие

Русичи
Щитами багряными
Перегородили:
Князю славы ища,
Чести - себе.

4
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ БИТВЫ.
НОЧНОЙ ОТДЫХ И НОВЫЙ БОЙ

Утром в пятницу рано
Потоптали поганое
Половецкое войско
И, рассыпавшись стрелами по полю,
Красных дев половецких
Помчали...
А с ними и злато,
И паволоки,
И оксамиты драгие.
Епанчами да покрывалами,
Да кожухами
И иными узорочьями
Половецкими -
Словно стали мосты мостить
По болотам, по грязи.

Багрян стяг,
Бела хоругвь,
Багряна челка,
Серебряно древко -
Храброму Святославичу!

Дремлет в поле
Олегово
Хороброе гнездо -
Залетело далече!
Не было оно
Обиде обречено:
Ни соколу,
Ни кречету,
Ни тебе,
Черный ворон,
Половчанин поганый!

А уж Гза серым волком бежит,
Кончак ему след указывает -
К Дону великому.

А на другой день поутру
Раным-рано
Кровавые зори
Возвещают рассвет;
И черные тучи
Надвигаются с моря
И прикрыть хотят

Все четыре солнца, -
А трепещут в тех тучах
Синие молнии:
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами
С Дона великого!
И копиям
Преломиться тут,
И саблям
Притупиться тут
О шеломы о половецкие
На реке на Каяле,
У Дона великого.

О земля моя Русская!
Уже за холмами ты!

И ветры,
Стрибожии внуки,
Стрелами с моря веют
На храбрые полки
Игоревы.
Земля гудет,
Реки мутны текут,
Пыль поля застигает,
Стяги глаголют:
То половцы идут от Дона,
Идут от моря,
И русские полки обступили -
Кругом.
И поля преградили:
Дети бесовы -
Кликом,
А храбрые русские -
Щитами багряными.

Яр-тур Всеволод!
Стоишь, отбиваясь,
Прыщешь на воинов стрелами,
Гремишь о шеломы
Мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
Златом шелома посвечивая,
Там и ложатся
Поганые
Головы половецкие...
Каленою саблей расщеплены
Шеломы оварские
Тобой,
Яр-тур Всеволод!

О ранах ли думать,
Братия,
Тому,
Кто и сан забыл,

И жизнь забыл,
И город Чернигов свой,
И отчий злат престол,
И милой жены своей,
Красавицы Глебовны,
Свычаи да обычаи!

5
ВОСПОМИНАНИЕ О ПОХОДАХ
ОЛЕГА СВЯТОСЛАВИЧА

Были сечи Троянские,
Минули годы Ярославовы;
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.

Тот Олег
Мечом крамолу ковал,
Засевал землю стрелами;
Как ступит, бывало,
Во злат стремя
В Тмуторокани-городе,
Так уж слышит тот звон
Великого, древнего
Ярослава сын -
Всеволод,
А Владимир в Чернигове
Всякое утро
Уши себе закладывал.

А Бориса Вячеславича,
Молодого князя и храброго,
Слава на суд привела
И наказала:
Ниву зеленую
Как саван постлала
За обиду Олегову.

С такой же Каялы
Князь Святополк
Повелел отца своего
Между иноходцами
Угорскими
Ко святой Софии
В Киев повезть.

Так было втапору
При Олеге Гориславиче:
Сеялось и возрастало
Усобицами,
И погибло в них
Достояние
Дажбожьего внука;
В княжьих крамолах
Век человеческий
Укорачивался.

И по Русской земле тогда
Редко пахари
Перекликались,
Но часто зато
Граяли враны,
Трупы между собой деля;
Да и галки
По-своему переговаривались:
Куда б полететь на еду?

Так было и в сечи те,
И в походы те,
А такого боя
Не слышано!

6
ПОРАЖЕНИЕ РУССКИХ
И ВЕЛИКАЯ ПЕЧАЛЬ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

От раннего утра до вечера
И от вечера до света
Стрелы летят каленые,
Сабли о шеломах гремят,
Копия трещат булатные
В поле незнаемом,
Среди земли
Половецкой.

И черная земля
Под копытами
Костями была засеяна,
А кровию полита:
Кручиною они повсходили
По Русской земле.

Что мне шумит,
Что мне звенит -
Там, далече,
Перед зорями, рано?
То Игорь полки
Поворачивает:
Жаль ему милого брата -
Всеволода.

Бились так день,
Бились другой,
А к полудню на третий день
Пали знамена
Игоревы.

Тут-то братья
И разлучилися -
У быстрой Каялы
На берегу.

И вина кровавого тут

Недостало;
Тут и пир тот dokonчили
Храбрые русичи:
Сватов напоивши,
А сами полегши
За Русскую землю.
Никнет трава от жалости,
А древо с кручиною
К земле приклонилось.

Так-то,
О братия,
Невеселая година настала,
Ратную силу
Пустыня прикрыла.

Поднялась Обида
В силах Дажбожия внука,
Девой вступила
На землю Троянскую;
Крылом лебединым
Всплескала -
На море синем
У Дону;
И, плещучи так,
Тоску пробудила
О довольстве былом.

Коли между князьями
Усобицы,
Так нам-то поганые -
Гибель!
Ибо князья
Стали брат брату:
"Это мое,
А то - тоже мое!" -
Говорить,
И стали про малое
Молвить:
"Это великое!"
И начали сами себе
Крамолу ковать,
А поганые
На Русскую землю
Со всех сторон приходили
С победами!
О, далече сокол зашел,
Птиц бия,
К морю!
А Игорева храброго полку
Не воскресить!

И по Русской земле
Горе вскричало,
И понеслись, поскакали

Скорбные вести
И жалобы -
От одного человека
К другому;
И были уста людей
Горячи,
И скорбь, как смола,
Прикипала на них.

Русские жены восплакались,
Так причитая:

"Уж как нам своих милых,
Любимых -
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами увидеть,
А злата и серебра
И вовсе не нашивать!"

И восстал,
Братия,
Киев кручиною,
И Чернигов напастями,
И тоска разлилась
По Русской земле,
И густая печаль течет
По земле Русской.

А князья сами себе
Крамолу ковали.
А поганые сами,
С победами рыская
По Русской земле,
Дань взымали:
От всякого двора -
Звонкого серебра
По беле-монете.

Так-то двое они,
Игорь да Всеволод,
Храбрые Святославичи,
Самовольством своим
Старое лихо
Вновь пробудили,
А его усыпил было
Их отец Святослав
Грозный, великий
Князь Киевский.

Грозою
Притрепал он поганых:
Полками могучими,
Мечами булатными
Наступил на землю
На Половецкую;
Притоптал там

Холмы и овраги;
Возмутил
Озера и реки;
Иссушил
Потоки, болота...

А Кобяка поганого
Из Лукоморья,
От железных, великих
Полков половецких,
Словно вихрь, отторг.
И пал Кобяк
В граде во Киеве,
В гриднице Святославовой.
Тут немцы
И венецейцы,
Тут и моравцы
И греки -
Славу поют Святославу,
Осуждают, жалея,
Игоря-князя,
Что погрузил добро,
Русского злата насыпавши,
На дно половецкой
Каялы-реки,
А сам пересел
Из золотого седла
В рабье седло.

7

СОН СВЯТОСЛАВА
И БЕСЕДА ЕГО С БОЯРАМИ

И уныли стены
Городские,
А веселье и в домах
Поникло.
Смутный сон приснился
Святославу
В городе во Киеве -
На горах.

"В ночь сию, с вечера,
Одевали меня
(Так говорил)
Саваном черным
На кровати из тиса -
Красного дерева;
И вино мне черпали -
Синее,
С горечью смешанное;
Из тощих колчанов
Поганых толковников,
Переводчиков, -
Скатный сыпали жемчуг
На лоно мое,
И всяко меня

Ублажали.

И вот доски
В тереме моем златоверхом -
Уже без князька;
И уже с вечера
На целую ночь
Вещие
Взгряли враны,
Там, на болотине,
Внизу у поречья,
И понеслись
Через далекие дебри -
К синему морю".

И промолвили
Князю бояре:

"Уже, княже,
Кручина
Ум полонила:
Это два сокола
Отлетели от злата стола
Отцовского -
Града Тмутороканя
Себе поискать,
А либо шеломом
Дона испить.
Уже соколиные крылья
Половецкими саблями
Приземлили,
Припешили,
Да и самих их опутали
В путы железные.

И было темно
В тот третий день.
Два солнца померкли,
И оба столпа багряные погасли,
А с ним,
С Игорем-князем,
И два молодых его месяца -
Олег и Святослав -
Тьмою заволоклись.
Так на реке на Каяле
Тьма свет покрыла.

А на Русскую землю
Хлынули половцы,
Как леопардов охотничьих
Выводки,
И затопили,
Как морем, ее,
И буйство поганых тех
Возросло еще боле.

Уже бесчестие

Славу сменило,
Уже насела
Неволя на волю,
Уже повержен
На землю Див,
А готские девы-красавицы
Воспели на бреге
Синего моря,
Русским золотом звеня;
Седую поют старину:
Славят месть Шаруканову.

А мы-то, дружина,
По веселию мы -
Стосковались".

8
ЗЛАТО СЛОВО СВЯТОСЛАВА.
ПРИЗЫВЫ К ЕДИНЕНИЮ КНЯЗЕЙ

И великий Святослав тогда
Изронил Злато Слово,
Со слезами смешанное,
И сказал:
"О мои сыновцы -
Игорь и Всеволод!
Рано вы начали
Половецкую землю
Мечами дразнить,
А себе славы искать.
Но не честно вам было
Одним
Добиваться победы,
Не честно
И кровь проливать их
Поганую.

Пусть сердца ваши храбрые
Твердым булатом окованы,
И закалены отвагою,
Да то ли, что надо,
Вы сотворили
Серебряной моей седине?

А уж не вижу я
Мощи сильного и богатого
Брата моего Ярослава
С его множеством воинов,
В Чернигове пребывающих, -
С дружиной могучей,
Да и с горцами,
И с шатунами,
С бродягами,
И с крикунами,
Да с их атаманами:
Эти-то и без щитов,
С ножами за голенищами,

Криком полки побеждают,
Звоня в прадедову славу.

А вы сказали:
Мужаемся сами,
Грядущую славу
Одни мы похитим,
А прошедшую славу
Одни мы поделим!

А что,
Уж такое ли, братия, диво:
Старому да помолодеть?
Коли сокол линяет,
Птиц высоко взбивает,
Гнезда своего он в обиду
Не даст!
Да вот оно зло:
Князи-то мне не помога...

Плачевно года обернулись:
У Римова вот -
Под саблями кричат
Половецкими,
А Володимир
Под ранами...
Кручина-тоска
Сыну Глебову!

О великий князь
Всеволод!
А не мыслишь ли ты
Прилететь издалече -
Отчий злат стол
Побережь?..
А ведь можешь ты Волгу
Веслами всю раскропить,
Дон шеломами
Вычерпать!
Коли был бы ты там,
Так была бы у нас
По дешевке рабыня,
И совсем за бесценок
И раб.
Ты же можешь и посуху
Живыми стрелять
Самострелами,
Удалыми сынами
Глебовыми!

Ты, буй Рюрик,
И ты, Давыд!
Не у вас ли шелома золоченые
По крови плавали?
Не у вас ли дружина храбрая

Рыкает, как туры, израненные
Саблями булатными
На поле незнаемом?
Так вступите же, князи,
Во злат стремя:
За обиду нашего времени -
За землю Русскую,
за раны Игоревы -
Храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
На престоле своем
Златокованом,
Горы подпер Угорские
Своими полками,
В железо одетыми,
Заградив путь королю,
Затворив Дунаю ворота,
Перекидывая громады войск
Через облака,
Суды до Дуная рядя.

Грозы твои по землям текут:
Отворяешь врата Киеву,
Стреляешь
Со злата стола отчего
Султанов за землями...
Стреляй Кончака, господине,
Поганого кощея стреляй -
За землю Русскую,
За раны Игоревы -
Храброго Святославича!

А ты, буй Роман,
Со Мстиславом!
Мысль ваша храбрая
Влечет ум на подвиги,
И высоко ты
Соколом плаваешь
В буйной отваге своей,
На ветрах ширяся,
Птицу в буйстве ее
Норовя одолеть,
Ибо есть у вас
Подвески железные
Под шеломами
Крылатыми -
Латынскими.
И от воинов тех
Земля сама треснула,
И многие страны поганые -
И Хинова,
И Литва,
И Ятвяги,

И Деремела,
И Половцы -
Копия повергли свои,
А главы свои преклонили
Под мечи те булатные...

Но вот уже, княже,
Померкнул для Игоря
Солнечный свет,
А древо листву обронило
Не по доброй воле своей:
По Росе-реке,
По Суле-реке
Города поделили,
А Игорева храброго полку
Не воскресить.

Дон тебя, княже, кличет
И зовет князей
На победу...
Ведь одни только Ольговичи,
Храбрые князи,
Доспели на брань...

Ингвар,
И Всеволод,
И все вы,
Трое Мстиславичей, -
Не плохого гнезда
Шестикрыльцы.
Не в боях вы грады поделили,
Так к чему же златы шлемы ваши,
И щиты,
И копия?

Заградите Полю ворота
Острыми стрелами -
За землю Русскую,
За раны Игоревы -
Храброго Святославича!"

9
ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ О КНЯЖЬИХ РАЗДОРАХ

Уже и Сула-река
Со струями ее серебряными
Перестала быть
Переяславльской рекой,
И болотом Двина течет
К полочанам тем грозным -
Под кликом поганых!

Лишь один Изяслав,
Сын Васильков,
Острым мечом своим
Позвонил

О шеломах литовские,
Славу тем притрепав
Своему деду Всеславу,
Но и сам под багряным щитом
На кровавой траве
Мечами литовскими
Притрепан был.
И со смертью лежа,
Словно с возлюбленной,
Так говорил:
"Княже!
А дружину твою
Крылья птиц приодели!
А кровь ее
Зверь полизал!"

Ни брата его не было тут -
Брячислава,
Ни друга его -
Всеволода:
Один -
Из храброго тела
Чрез ожерелье золотое
Жемчужную душу
Он изронил.

Голоса приуныли,
Поникло веселье,
Трубы трубят
Городенские...
О вы, Ярославичи,
И вы, внуки Всеслава!
Приспустите знамена свои,
В ножны вложите мечи
Притупившиеся,
Ибо уж выпали вы
Из дедовской славы;
Ибо своими крамолами
Начали вы наводить
Поганых
На Русскую землю,
На достоянье Всеславова:
Из-за ваших раздоров
И было насилие
От земли Половецкой!

На седьмом веке Троянском
Метал Всеслав жребий
О девице ему любой,
И, на клюки опираясь,
Добравшись до кровли,
Скакнул с конька в город
И доткнулся древком копья
До золота стола
Киевского.
И потом отсель

Лютым зверем скакал;
А в полночь из Белгорода
Скрылся, окутанный
Синею мглою;
Наутро ж,
Ударив секирами,
Отворил врата
В Новгороде,
Славу
Ярославу расшиб;
До Немиги с Дудуток
Волком скакал...
А на Немиге
Снопы стелют
Головами,
Молотят цепами
Булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.

И кровавые берега
Немиги той
Не добром были посеяны:
Костями посеяны
Русских сынов!

Всеслав-князь
Людей судил,
Князьям города рядил,
А сам в ночи
Волком рыскал;
Из Киева дорыскивал
В Тмуторокань -
До петухов.
Великому Хорсу
Волком
Путь перерыскивал.
А тому Всеславу
Позвонят в Полоцке
Заутреню раннюю
У святых Софии
В колоколы,
А он уже слышит звон
В Киеве.

Хоть и была прозорлива душа
В теле отважном,
Но часто страдал он
От бед.
И князю тому
Вещий, мудрый Боян
Впервые такую
Припевку сказал:

"Ни хитрому,
Ни гораздому,
Ни по птице гораздому

Суда божия не миновать!"

О, стонать Русской земле,
Вспоминая начальные леты
И первых князей:
Того ли старого Владимира
Нельзя пригвоздить было
К горам Киевским!
И вот ныне стяги его
Одни стали Рюриковыми,
Другие - Давыдовыми;
Но врозь развеваются
Их бунчуки!

10
ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Не копья поют на Дунае, -
То слышен мне глас Ярославны,
Кукушкой неузнанной рано
Кукует она:

"Полечу я кукушкой,
Говорит, по Дунаю,
Омочу рукав я бобровый
Во Каяле-реке,
Оботру я князю
Раны кровавые
На застывающем
Теле его..."

Ярославна рано плачет,
На Путивльской стене
Причитая:
"О Ветер-Ветрило!
К чему, господине,
Веешь насильем?
Стрелы поганские
На крылах своих мирных
На воинство милого
Гонишь - к чему?
Тебе не довольно было б
Высоко под облаком веять
Да на синем море
Колыхать корабли?
К чему, господине,
По ковылю ты развеял
Веселье мое?"

Ярославна рано плачет,
Во Путивле-городе,
На стене причитая:

"О Днепр ты Славутич!
Каменные горы пробил ты
Сквозь Половецкую землю,
И на себе колыхал ты

Лады Святославовы
До стана Кобякова;
Прилелей на волнах, господине,
Моего ладу ко мне,
Чтобы не слала к нему я
Ранней зарею
Слезы на море".

Ярославна рано плачет,
На Путивльской стене
Причитая:

"О светлое
Трижды светлое
Солнце!
Для всех ты тепло и отрадно!
Так к чему ж, господине,
На воинство милого
Свой луч простираешь
Горячий?
В поле безводном
Жаждой им луки стянуло,
Колчаны кручиной свело..."

11 БЕГСТВО ИГОРЯ И ПОГОНЯ КОНЧАКА

Вздыбилось море в полночь;
Идут смерчи мглами;
Игорю-князю
Бог путь кажет
Из земли Половецкой
На Русскую землю -
К отчему златому столу.

Погасли вечерние зори.
Игорь спит -
Игорь не спит;
Игорь в мыслях своих
Мерит поля -
От великого Дону
До мала Донца.

Конь готов к полуночи -
Свистнул Овлур за рекой:
Князю велит уразуметь!
Не быть князю Игорю
По имени кликнуту...

И задрожала земля,
Зашумела трава,
Зашатались шатры половецкие,
А Игорь-князь
Поскакал к тростнику
Гороностаем,
Белым гоголем - на воду;
Кинулся на борза коня

И спрыгнул с него
Серым волком,
И понесся к лугам Донца,
И соколом полетел
Под туманами,
Избивая гусей-лебедей
К завтраку,
И обеду,
И ужину.

И как Игорь соколом полетит,
Так Овлур волком бежит,
Отрясая собою
Студеную росу;
Надорвали они
Борзых коней своих!

И Донец сказал:
"Игорь-князь!
Немало хвалы тебе,
А Кончаку огорчения,
А Русской земле веселия!"

Игорь сказал:
"О Донец!
И тебе немало хвалы:
Тебе,
Что лелеял
Князя на волнах;
Стлал ему
Зелену траву
На серебряных берегах своих;
Одевал его
Теплыми туманами
Под сению зелена древа;
Стерег его -
Гоголем на воде,
Чайками на струях,
Чернетью на ветрах.
Не такова-то, сказал,
Стugna-река:
Беспокойные струи имея,
Пожравши чужие ручьи,
И струги растирает,
Влача по кустам;
Так и юноше князю она -
Ростиславу -
Днепр затворила,
И на темном ее берегу
Плачет мать Ростислава
По юноше князе,
По Ростиславу,
И от жалости
Приуныли цветы,
И древо с кручиною
К земле приклонилось".

То не сороки застрекотали -
Едут по следу Игореву
Гза и Кончак.

И враны тогда не граяли,
И галки примолкли,
И сороки не стрекотали,
И поползни-птички
Ползали только.
Дятлы, носом долбя,
Путь к реке кажут,
Да соловьи
Веселыми песнями
Свет возглашают.

Молвит Кончаку Гза:
"Ежели сокол
Ко гнезду летит,
Так расстреляем мы
Соколича
Стрелами своими
Золочеными!"

И говорит Кончак Гзе:
"Ну, ежели сокол ко гнезду летит,
То мы сокольца опутаем
Красной девицей".

И говорит Кончаку Гза:
"А ежели его мы опутаем
Красной девицей,
Так не будет нам
Ни сокольца,
Ни девицы красной нам,
Да почнут еще русские соколы
На поле половецком
Нас с тобою бить!"

12
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ "СЛАВА" УЧАСТНИКАМ ПОХОДА:
КНЯЗЬЯМ И ДРУЖИНЕ

Молвил так Боян,
Песнотворец давнего времени,
Княжьего -
Ярославова, Олегова:

"Хоть и тяжело тебе,
Голова, без плеч,
Но и зло же телу, тебе,
Без головы" -
Русской земле
Без Игоря!

Солнце светится

На небе:
Игорь-князь -
На Русской земле!

А девицы поют
На Дунае,
Вьются их голоса
Через море до Киева!
По Боричеву
Игорь едет
Ко святой богородице
Пирогощей:
Страны рады!
Грады веселы!

Песню пропевши
Старым князьям,
Споем и молодым:

"Слава -
Игорю Святославичу,
Буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Невредимыми будьте,
Князья и дружина,
В битвах грядущих -
За христиан
С полками погаными.

Князьям - слава!
А дружине,
Полегшей в бою, -
Вечная память!"

1938 - 1958